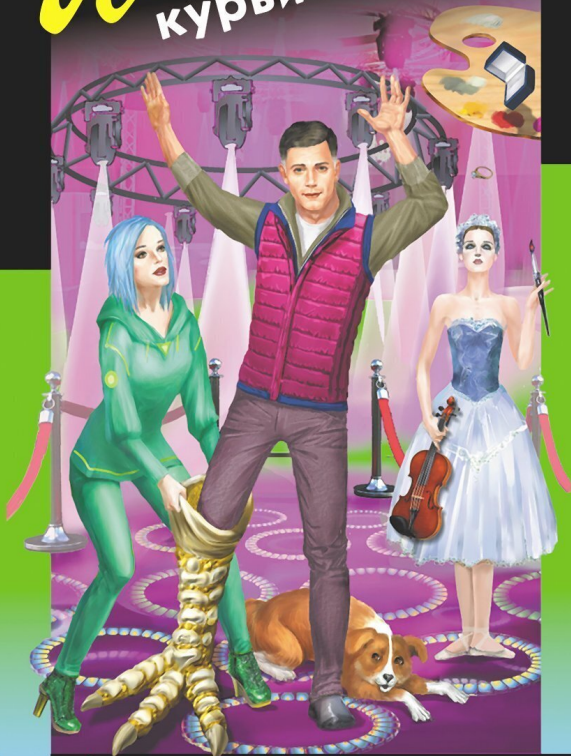

Дарья Донцова

Иванушка на
курьих ножках

Агентъмен
сыска

Иван Подушкин

Дарья Аркадьевна Донцова
Иванушка на курьих ножках
Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70267246
Иванушка на курьих ножках: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-198327-7*

Аннотация

Говорят, гениальные люди гениальны во всем. Но и с дураками это правило тоже работает. Прямым из сумасшедшего дома к Ивану Павловичу явилась Валерия Фокина со странной просьбой: докажите, что я не убивала своего отца.

Дело было так. Год назад Валерии позвонил брат и срочно вызвал ее в квартиру их родителей. А когда та примчалась, кто-то всучил ей стакан с водой, и потом все как в тумане: чей-то голос произнес «Ты отца убила», и свет померк. Очнулась Фокина уже в психиатрической клинике, где ей, напичканной лекарствами, поведали о ее бесчинствах. Дескать, приехала разъяренной фурией, повздорила с родителями, толкнула отца, тот упал, ударился головой о консоль и умер. Теперь, после года в клинике, Леру поставили на учет, выгнали с работы, а мать хочет оформить над ней опеку. Но девушка подозревает, что что-

то здесь нечисто. К тому же недавно выяснилось, что она стала владелицей очень дорогой недвижимости...

Дарья Донцова – самый популярный и востребованный автор в нашей стране, любимица миллионов читателей. В России продано более 200 миллионов экземпляров ее книг.

Ее творчество наполняет сердца и души светом, оптимизмом, радостью, уверенностью в завтрашнем дне!

«Донцова невероятная работяга! Я не знаю ни одного другого писателя, который столько работал бы. Я отношусь к ней с уважением, как к образцу писательского трудолюбия. Женщины нуждаются в психологической поддержке и получают ее от Донцовой. Я и сама в свое время прочла несколько романов Донцовой. Ее читают очень разные люди. И очень занятые бизнес-леди, чтобы на время выключить голову, и домохозяйки, у которых есть перерыв 15—20 минут между отвести-забрать детей». – *Галина Юзефович, литературный критик*

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	42
Глава седьмая	48
Глава восьмая	57
Глава девятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дарья Аркадьевна Донцова Иванушка на курьих ножках

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Донцова Д. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава первая

Гениальные люди гениальны во всем. С дураками это правило тоже срабатывает.

В кабинет вошел Борис и быстро произнес:

– Он нас покинул!

– Спасибо за радостное известие, – улыбнулся я, – главное, чтобы не вернулся.

– Мы спокойно объяснили мужчине, что частный детектив не имеет права никого задержать, отправлять на зону. А гость расвирепел, – продолжил помощник.

– Вероятно, он не совсем нормален, – предположил я, – сейчас зима, а мужчина в шортах, бейсболке и майке. У него была куртка? Теплая обувь?

– Нет, – вздохнул секретарь. – Лет десять-пятнадцать назад мог бы насторожиться при виде личности в подобном виде, но сейчас мода разбушевалась до такой степени, что ветнамки на меху никого не шокируют.

– Экстравагантность в одежде не удивляет, но раньше полагал, что она свойственна исключительно молодежи. Сейчас же одеваться с выдумкой начали люди всех возрастов. Помните пожилую даму в соломенной шляпе, к которой пришили вязаные «уши» с завязочками?

– Да, – тихо засмеялся Борис, – у нее вместо пальто или шубы было пончо. При взгляде на верхнюю одежду леди со

мной случился приступ ностальгии. В далеком детстве, когда меня, школьника, вызывали к завучу для слушания лекции о правильном поведении пионера, я всегда восхищался богатым убранством кабинета. Бархатные гардины, тюль, а на полу ковер! У нас дома такой красоты не было.

– Обычно в гимназиях у начальства все аскетично, – удивился я, – стол, стулья, шкафы, иногда диван. В придачу самые обычные драпировки. Рулонок тогда не было, на всех окнах висели куски ткани серо-желтого цвета.

– Кабинет главного лица моей школы устлали напольными покрытиями, – засмеялся Боря. – Пончо той посетительницы очень походило на один из паласов и...

Нашу беседу прервал звонок в дверь.

– Если странный гражданин вернулся, не открывайте, – попросил я. – Дверь сломать невозможно, даже если в нее ногами бить. Он постоит и уйдет.

Боря исчез, и вскоре я услышал из холла голос Ньюки, заклятой подружки Николетты Адилье, моей маменьки.

– Дорогой, – как всегда капризным тоном завела она, – где Вава?

Я со вздохом встал. С одной стороны, плохо, что нет клиентов. Частный детектив живет по принципу «сколько натопал, столько и слопал». Есть у меня работа? Следовательно, в моем кошельке шуршат купюры. Никому не нужен? Сиди, господин Подушкин, голодным. Правда, до полной нищеты я пока не доходил, потому что всегда откладываю энную сум-

му на черный день.

Из коридора раздался звук шагов, и с громким возгласом «Ты почему меня не встретил?» Ньюка влетела в кабинет. Я чихнул. Дама, как всегда, вылила на себя ведро дорогого парфюма. Хватило бы пару раз пшикнуть на сгиб локтя! Но госпожа Волконская сродни мужчинам, у которых есть установка: «Если сам не ощущаю аромат одеколона, которым побрызгался после утреннего душа, то и остальные лишены радости его почуять». Рука парня хватает емкость... и – пшик-пшик-пшик. В результате такого субъекта весь день окутывает душистое облако, у всех его собеседников начинается кашель, а кто-то спешно принимает таблетки от аллергии. Думаете, к обеду «газовая атака» утихает? Да, через пару часов «амбре» на радость людям ослабевает. Но у такого представителя сильного пола очень часто парфюм лежит в машине или сладко спит в портфеле. Вытащить пузырек на свет божий недолго, и – пшик-пшик-пшик...

Удивительно, но страсть принимать душ из Кельнской воды чаще охватывает мужчин, чем женщин. Но уж если прекрасная дама имеет при себе флакон, то тут тушите свет и выносите иконы. Даже самый вонючий лосьон после бритья ничто по сравнению с духами, которыми пользуются девочки всех возрастов.

Как-то раз мне понравилась одна брюнетка. Я человек старой закалки, поэтому вместо харчевни с бургерами пригласил красавицу в театр. Мы заняли места в партере, и через

секунду я понял, что пропал. От моей дамы, которая сидела слева, сильно пахло жасмином, а от незнакомки справа исходил аромат корицы, перца и чего-то еще. Она носила так называемый «восточный» парфюм. Впереди же устроился мужчина, который облился продукцией фирмы «Аква ди Парма». Спору нет, она производит великолепные одеколоны, но если опрокинуть на себя весь флакон, то окружающим станет плохо. Я попытался сдержать кашель, это удалось, но потом принялся чихать, был вынужден уйти из зала, а потом вообще удрать из театра. Брюнетка, естественно, обиделась, заблокировала номер телефона беглого кавалера.

Нюка сейчас пахнет сильнее, чем все мои соседи по театру, вместе взятые. Вот только умчаться не получится. Дама не обидчива, и если я ей понадобится, она не отпустит меня до тех пор, пока я не выполню все ее желания.

– Дорогой, – запела подружка маменьки, – пришла к тебе с изумительным, потрясающим, необыкновенным, восхитительным, уникальным подарком!

– Спасибо, – осторожно отозвался я, – но до моего дня рождения далеко, а Новый год прошел. По какому поводу презент?

– Дарагой, – сильно акая, снова завела Нюка, – неужели забыл, что скоро Рождество?

– Оно в начале января, – возразил я, – а у нас февраль.

Нюка заморгала, но быстро сообразила:

– Ты забыл про католический вариант?

Вот теперь объясните мне, почему я ввязался в дискуссию?

– Конфессия, признающая власть папы римского, отмечает появление Иисуса Христа на свет в конце декабря!

Дама постучала ладонью по креслу.

– Остановись! Где очередь?

– Куда? – не понял я.

– Сюда, – отрезала гостя. – Не вижу толпу клиентов! Боря!

Мой секретарь вошел в кабинет.

– Слушаю вас!

– Сколько человек посетило данный офис за прошедшую неделю? – осведомилась Ньюка.

Батлер¹ не дрогнул:

– Не имею права разглашать служебную информацию.

Ньюка расхохоталась.

– Мальчики! Можете раздувать щеки где и как угодно – отлично знаю, что вы сидите без денег. А я пришла с коммерческим предложением. Вава, ты участвуешь в показе мегапопулярного модельера. Занятие необременительное. Пара примерок, потом несколько проходов во время шоу.

Я потряс головой.

– Показ мод?

– Да, правильно понял! – обрадовалась Ньюка. – Но неправильно, что все показывает мужчина! Определенно нужна

¹ Батлер – помощник.

женщина! Я!!!

И тут у меня затрезвонил телефон. Я скосил глаза на свой мобильный. Ох, не зря народ придумал поговорку «Беда не приходит одна». На проводе маменька.

– Ответь, – велела Нюка. – Судя по гримасе на твоём лице, тебя разыскивает Никки. Немедленно ответь!

Я взял трубку:

– Слушаю.

– Сколько можно ждать, пока ты соизволишь отреагировать? – сразу пошла в атаку маменька. – Нюка приехала? Немедленно гони ее! Хочет примазаться к моей идее!

Я ощутил себя мухой, которую старательно окутывают паутиной два больших паука. От одного несчастная Цокотуха еще способна удрать, но вот от пары ей вряд ли удастся унести лапы.

– Не смей соглашаться! – гремела маменька. – Это моя идея! Если скажешь Нюке «да», прекращу с тобой разговаривать.

Хорошо бы так! Перспектива не слышать по десять раз на дню вызовы от маменьки меня не пугает, а радует. Вот только слова «прекращу с тобой разговаривать» не означают, что маменька включит режим молчания. Все наоборот. Она скажет всем-всем своим знакомым: «Вава не захотел помочь мне, ладно, я привыкла к его невнимательности. Но Нюка! Бедная моя подружка из-за того, что Вава решил использовать ее, с инфарктом, инсультом и гриппом вот-вот

угодит в больницу». И что потом случится? На мой телефон вмиг упадет ливень сообщений типа: «Какой ужас!», «Нюка очень любит тебя, Никки тебя обожает, ты ранил их в самое сердце». Дамы и небольшое количество примкнувших к ним мужчин не удовлетворятся рассылкой текстов, примутся названивать. У меня есть выбор: некоторое время побыть в роли дурака на каком-то мало кому нужном модном показе, и конец истории, – или потерять покой на долгое время, постоянно становиться главным героем бесед на якобы великосветских раутах, выслушивать бесконечные упреки... Конечно, мало-помалу волна общего возмущения спадет. Но потом всю дальнейшую жизнь Зюка, Люка, Мака, Кука и другие члены обширной маменькиной компании станут обращаться ко мне: «Вава, зная, что ты отказал бедным Нюке и Никки в их крохотной просьбе, все же рискну спросить...» И вот этот оборот речи останется у них навсегда.

Я посмотрел на Нюку:

– Пока не знаю, что должен делать!

Нюка вскочила.

– Когда Николетта расскажет тебе о показе коллекции, сразу говори, что согласишься на все, только если меня пригласят.

Глава вторая

– Вы в самом деле собрались участвовать в дефиле? – уточнил Боря, закрывая за гостьей дверь.

– Есть другой вариант? – задал я свой вопрос.

– Если учесть все возможные и невозможные последствия отказа, то нет, – вздохнул помощник.

И тут зазвенел домофон.

– Ньюка вернулась. Что-то забыла или не договорила, – пробормотал Борис и ушел.

Я вздохнул, тоже отправился в холл и увидел молодую женщину. Незнакомка тихо спросила:

– Детектив Подушкин здесь принимает?

– Да, – кивнул Боря. – Входите, пожалуйста. Не надо разуваться.

– Вы Иван Павлович? – продолжила знакомка. – У меня есть обувь с собой. Не могу в грязных сапожках в помещение входить.

Борис улыбнулся:

– Редко кто приходит со своими туфельками.

– Добрый день, – кивнул я, – Иван Павлович к вашим услугам.

– Валерия Фокина, – представилась женщина.

– Рад знакомству. Пойдемте.

Очутившись в кабинете, Валерия села в кресло и, не до-

жидаясь моего вопроса, заговорила:

– Извините, но придется начать издалека, иначе вы просто не поймете суть дела. Мои родители, Эмилия Георгиевна и Кирилл Мефодиевич Фокины, никогда не нуждались. У папы уникальная судьба. В моем раннем детстве он был концертмейстером, причем замечательным. А когда я из деревни вернулась, папа стал певцом! Да каким! Потрясающий баритон! Вообще-то, подобная метаморфоза маловероятна. Кое-кто из артистов сравнивал отца с Романом Сладкопевцем². Ой, давайте по порядку. Мама была балериной. И при советской власти, и в перестройку, и в дальнейшие времена родители всегда были востребованы. Наша семья никогда не нуждалась. Старшие ее члены получали хорошие деньги, не бросали их на ветер. И никогда не занимались всякими махинациями.

Валерия положила ногу на ногу.

– У нас был сосед, тоже оперный певец, любимец политической элиты тех лет. Он приобрел недоступный всем «ГАЗ-24», потом втихую продал за две цены мандариновому королю из Кавказского региона. А тот сделал продавцу-москвичу справку, якобы у солиста угнали машину, когда он решил продать ее. Воры не справились с управлением на одном из крутых горных поворотов, машина свалилась с

² Роман Сладкопевец родился в середине пятого столетия в городе Емесе. Он не обладал ни голосом, ни слухом, но очень хотел петь на службах. После долгих молитв Матушка Богородица явилась Роману, и мужчина обрел красивый голос вкупе с поэтическим даром. За прекрасное пение его и прозвали Сладкопевцем.

шоссе и развалилась.

Я не сумел скрыть улыбку.

– Понимаю, смешно, – кивнула посетительница, – но торговец цитрусовыми в те далекие годы был миллионером. Тогда это было намного круче, чем сегодня миллиардер. Баритона пожалели, выдали разрешение на сей раз на бесплатное получение нового средства передвижения. Такими благами пользовались певцы, актеры, писатели, творческая интеллигенция из разряда особо любимых власть имущими. Понимаете, что получилось?

– Новый автомобиль плюс сумма, равная его покупке, от владельца мандариновых плантаций, – подвел черту Боря. – Миллионер же навесил другие номера и спокойно катался на «умершей» «Волге».

– Верно, – согласилась Валерия, – двойной шоколад. Мои родители никогда подобным не занимались. «Спим спокойно, потому что у нас чистая совесть. Нехорошо, когда тебе завидуют», – говорил папа. Жили мы на Тверской, из наших окон, как в стихотворении, площадь Красная была видна³. И до сих пор мама там обитает. Меня не баловали. Домработница приходила два раза в неделю, стирала, убирала, готовила. Думаю, так рано родители не собиралась заводить детей. Возможно, хотели подождать, пока мама выйдет на пенсию – у балерин она обычно в тридцать семь – тридцать восемь лет. Но получилось иначе. Я появилась на свет, ко-

³ Стихотворение С. В. Михалкова «А что у вас?».

гда маме было двадцать – самый расцвет для танцовщицы. И тут нате! Беременность! Мама решила сделать аборт, побежала к гинекологу, а тот развел руками: «Срок четыре месяца с половиной. Операция под запретом. Конечно, можете найти Джека-потрошителя, который все сделает, но последствия непредсказуемы. Как организм отреагирует на варварское вмешательство? Чем заплатите? Дальнейшим бесплодием? Проблемами со здоровьем? Гормональными нарушениями?» Мама сначала не поверила врачу: «Какие такие четыре с половиной месяца? Меня не тошнит, настроение прекрасное. На соленые огурцы с вареньем не тянет, усталости нет. Месячные только сейчас прекратились! Живот не увеличивается». И пошла к другому доктору. Тот подтвердил слова коллеги, ответил на все вопросы. Течение беременности индивидуально, тошнота не обязательна, балерины каждый день испытывают огромные физические и эмоциональные нагрузки, поэтому усталость тела для них – просто привычная жизнь. Мышцы у танцовщицы стальные, удерживают живот лучше бандажа. Делать нечего, родилась я!

Валерия опустила голову.

– Откуда знаю об идее убить меня, нерожденного младенца? У родителей были бурные отношения, мама вспыхивает как спичка. Скажет отец фразу, которая жене не по нраву, она вмиг кричит: «Я тебя к себе не привязывала! Не думай, что нарочно забеременела, дабы выйти за тебя! Случайно получилось! Вообще не желала матерью становиться, когда на-

до танцевать! Пошла на аборт!..» – и всю историю выкладывала. А я всякий раз пугалась до жути! Убегала плакать в свою комнату. Один раз папа зашел, засмеялся: «Соседи приходили, у них с потолка вода льется. Всю нашу квартиру обошел – сухо. Заглянул в детскую – лужи на полу! Хватит рыдать! Кто тебя обидел?» – «Мама хотела меня убить», – ответила я. Отец сел рядом: «Неправда! Врет она! Почему? Не желает, чтобы я думал, что она страстно хотела семью и забеременела ради этого. Делаю вид, что верю ей. Успокойся, не собирались тебя жизни лишать. Но для твоей матери на первом месте сцена. Вот с этим тебе придется смириться навсегда».

Валерия пожалала плечами.

– Папа оказался прав. Через четыре месяца после моего появления на свет мама возобновила репетиции! У нее железная воля, адское трудолюбие, было бесконечное желание стать звездой. А желание возиться с младенцем, кормить грудью отсутствовало. Меня, новорожденную, отдали няне Аде Марковне Гришиной.

Валерия посмотрела на меня.

– Вам, мужчине, трудно понять, какое счастье испытывает женщина, став матерью. Но есть представительницы слабого пола, которым ребенок вообще не нужен. Только не подумайте, что меня морили голодом, одевали в лохмотья. Нет-нет! Я жила в просторной детской, никогда не голодала, у меня были игрушки, книги. И любимая Ада Марковна. Я ро-

дителей почти не видела: папа с мамой часто уезжали на гастроли. Мечтала о щенке. Просила собачку у Деда Мороза, но тот упорно притаскивал кукол. Бабушка по линии мамы долго болела и скончалась, а вот дедушка, Георгий Семенович Николаев, меня любил, часто забирал к себе в загородный дом. Огромный трехэтажный особняк у него был, у меня в нем имелась детская. И ради меня дедушка завел щенка. Насовсем меня отправили к нему жить, когда я отметила пятилетие. Через год мама решила готовить меня в балетное училище. Меня привезли из деревни в Москву, нарядили в парадное платье, причесали, и мама привезла меня в какой-то дом. Там незнакомая женщина отвела меня в комнату с зеркалами и деревянными палками вдоль стены, попросила сделать несколько упражнений. Потом мы отправились домой. Мама почему-то рассердилась на меня, всю дорогу ругала, обзывала коровой. А когда после работы вернулся папа, кинулась к нему: «Никаких способностей! Ноги не балетные, фигура тоже. Ну кто мог подумать, что у нас такое „чудо“ родится!» Отец, как всегда, очень спокойно ответил: «Не каждой дано стать Одеттой-Одиллией. Завтра отведу ее к Сусанне Иосифовне. Возможно, подрастает гениальная пианистка, скрипачка или обладательница уникального голоса!» На следующий день я оказалась в большой холодной комнате, где милая бабушка нажимала на клавиши рояля, просила повторять звуки. «Хорошо, дорогая, – говорила она, – умница. Попробуй еще раз». Потом Сусанна Иоси-

фовна попросила: «Знаешь какую-нибудь песенку? исполни, пожалуйста». Я завела «В лесу родилась елочка». Когда мы вернулись домой, мать осведомилась: «Ну как?» – «Медведь нам на ухо не наступил!» – радостно ответил папа. «О-о-о! – обрадовалась супруга. – Сусанна ее возьмет?» – «Медведь Лере на ухо не наступил, – повторил отец, – он просто сел на девочку весь, целиком. Хмелева посоветовала отдать ребенка в плавание». – «Вот только спортсменки мне не хватало! – взвилась мама. – Все физкультурники – идиоты!»

Глава третья

Валерия усмехнулась.

– Уже говорила, что в пять лет меня отправили жить на дачу к дедушке Георгию, отцу мамы, и мы с няней в Москву долго не возвращались. Уж не знаю, каким образом родители договорились, но я стала ходить в сельскую школу. В классе было двенадцать человек, никто не блистал талантами и успехами в учебе. А вот меня учительница Елена Васильевна похвалила: «Лерочка лучше всех читает вслух». У меня от таких слов прямо крылья выросли. Детей за партами было немного, педагог могла каждому уделить время. Я освоила арифметику, начала писать без ошибок, стала получать четверки, а порой пятерки. И главное! У Елены Васильевны был муж Сергей Петрович Волков – художник, иллюстратор детских книг. Он вел у нас рисование. Мне предмет не особо нравился, потому что неинтересный. Стоит ваза, надо ее запечатлеть. Я быстренько все на бумаге изображу и сажу, скучаю. Один раз педагог сел около меня: «Знаешь, Лерочка, у тебя определенно есть талант. Но, похоже, тебе неинтересно заниматься. Прими совет. Попросили изобразить вазу. Скучно, да? А ты представь, что она живая. Какой у нее характер? Внешность? Кто вазочка по профессии? Пофантазируй. И нарисуй такой сосуд». Я призадумалась, вернулась домой, взяла альбом и придумала семью ваз. Папа пол-

ный, в костюме, мама стройная, в платье, дочка у них есть, на один бок кривая. На следующий день Сергей Петрович увидел мою работу, пришел в восторг: «Леруся! Да ты готовый художник!» Этими словами он словно кран отвернул. Я начала запоем рисовать, просто утонула в мире фантазии. У меня появилась страна, где жили сковородки, чашки, ложки, тарелки, стаканы, каждый предмет со своим характером.

Валерия сложила руки на груди.

– Один раз Сергей Петрович взял мои работы, куда-то уехал. Вечером Ада Марковна уложила меня в кровать. На улице жара, в детской открыто окно. Спать совсем не хотелось, я лежу, смотрю в потолок и вижу: лужайка, на ней веселятся забавные собачки с крыльями. Щенки-феи! И в голове вдруг голос заговорил: «В Стране Радости живут необыкновенные животные».

Рассказчица улыбнулась.

– Учтите, мне тогда только восемь лет было, недавно первый класс окончила. Писать уже умела, но буквы выводила медленно. А голос такой настойчивый, он рассказывает, рассказывает... Я вскочила, села за стол, начала рисовать то, что слышала. Сажу у распахнутого окна, и тут бас Сергея Петровича: «Неудачно съездил!» – «Эмилия вас выгнала?» – осведомилась Ада Марковна. «Ну, не так грубо, – засмеялся мужчина, – интеллигентно избавилась. Рисунки смотреть не стала, объявила: „Валерия полностью лишена какого-либо таланта, никаких иллюзий в отношении этого неудачного ре-

банка не имею. Вот Мариус – тот другой, он все мои надежды оправдает. Крошка совсем, а ясно: гениален“». У мамы с папой, оказывается, сын родился, назвали его в честь великого балетмейстера Мариуса Ивановича Петипа. «Не знаю, почему Эмилия дочь терпеть не может, – вздохнула няня. – Лера хорошая. Ну, неуклюжая немного, слуха музыкального нет. Но это не повод ребенка без конца шпынять! И она замечательно рисует, у малышки есть творческая жилка. Просто мать ее не любит».

Рассказчица сложила руки на груди.

– Я уже поняла, как ко мне мать относится, она открыто неприязнь показывала. Отца тоже нельзя было назвать ласковым. Он меня до отъезда к дедушке никогда не обижал, не целовал, хороших слов не говорил. Но и не ругал, не кричал на меня, как мать. Просто чаще всего не замечал меня. Да и дома редко был, постоянно на гастролях. Но я не страдала от такого отношения старших. Рядом были Ада Марковна и дедушка Гео! Имя «Георгий» я не сразу стала выговаривать, сократила его. Иногда к нему приезжала дочь Леокадия – мамина сестра, моя тетя Лека. Она мне говорила: «Не переживай, если кто-то начнет смеяться, что ты не понимаешь математику. Я не выучила таблицу умножения, но это не помешало мне по всему миру с гастролями летать и везде овации собирать. У каждого свой талант. Ты не танцовщица, ты художница!» В Москву мы вернулись, когда я окончила второй класс. Очень не хотела уезжать, но пришлось,

потому что сельскую школу закрыли. Чтобы дальше учиться, пришлось бы ездить в Москву. Вставать в пять утра, чтобы успеть на первую электричку. Не знаю, как Аде Марковне удалось уговорить маму, но в августе мы перебрались на Тверскую. С Сергеем Петровичем я связь не потеряла, звонила ему постоянно – у него дома был телефон. Волков часто приезжал в Москву, приходил во двор нашего дома, смотрел мои работы. Он же посоветовал после окончания школы поступать в Строгановку. Но маму мои успехи на уровне художника не радовали. Она полностью растворилась в Мариусе. Вот он оправдал все ее надежды: обладал стопроцентным музыкальным слухом, поступил в балетное училище. Мать захлеб рассказывала всем о талантах мальчика. Меня же она без устали ругала. Но я привыкла к брани, воспринимала ее как припев. А вот отец!

Валерия улыбнулась.

– Не поверите! Он кардинально изменился. Стал певцом. Гениальным! Голос чарующий, волшебный. Его приняли в труппу известного театра, народ ради того, чтобы услышать его, кассы ломал. Мама, кстати, тоже добилась своего – получила сольные партии. Она уже была не «девушкой на пятой линии у задника», а солисткой. Но долгожданное карьерное повышение не сделало ее добрее ко мне. Я помойное ведро для слива ее негативных эмоций. А отец вдруг начал меня нахваливать, ему нравились мои рисунки. Папа мог меня обнять, поцеловать. Если мать при муже кидалась на меня,

супруг говорил: «Так! Хорошо! Выключила собаку!» И мать замолкала. Школу я окончила, поступила в Строгановку – Сергей Петрович с кем-то поговорил, и меня приняли. И вот тогда в моей жизни внезапно началась полоса удач. Мне, первокурснице, предложили ставку художника-мультипликатора. На студии не побоялись связаться со студенткой. Чтобы оформиться на работу, я перевелась на вечернее отделение. Потом одно издательство пригласило иллюстрировать детские книги. Дальше больше. Я наступила на горло комплексу неполноценности, показала редактору, от которого получала рукописи для создания рисунков, свою сказку про страну животных-фей. И вышла моя книга! Текст и рисунки Валерии Фокиной! Показала ее родителям, мама усмехнулась: «Ты что-то накропала? Вот Мариус участвовал в балетном конкурсе». Ну, я ничего другого не ожидала. Отец же обрадовался: «Молодец, Лера! Ты нашла себя, рад, что ты стала писателем и художником». Я замерла. Отец меня при матери похвалил! Ну, сейчас супруга папу уничтожит! И точно! Мама затеяла кричать: «Да как можно сравнивать труд балетного премьера с чирканьем ручкой по бумаге и размазыванием по ней красок? Кому это надо?» – «Любая работа почетна, – возразил отец. – Давай поздравим Валерию с успехом. Кстати, художники хорошо зарабатывают». – «Рада за них, – фыркнула мать. – Вот Мариус исполнял на конкурсе сложную...» – «У дочери вышла книга, которую она сама проиллюстрировала, – перебил ее муж. – А Мариус по-

ка не может похвастаться успехом: из двадцати семи участников он занял почетное последнее место. Называть парня премьером преждевременно. И ему пока всего ничего лет! Непонятно, что из зелени вырастет».

Валерия закрыла лицо ладонями.

– Что тут началось! Я убежала в свою комнату. Через какое-то время туда влетела мать, наговорила мне много хорошего. Потом появился папа и без всяких экивоков задал вопрос: «Знаешь, что Ада Марковна завещала тебе свою квартиру?» Я онемела! Няня умерла не так давно, у нее не было семьи, родных, она всегда очень хорошо относилась ко мне. Но я и подумать не могла, что она отпишет мне свое жилье. Мать накинулась на мужа: «Кто тебя просил ей все доклады-вать? Хоромы должны достаться Мариусу! Я их отсужу! Они мои по праву!» – «С какой стати? Прав в данном случае у тебя никаких, – отрезал отец. – Мы не родня Гришиной! Квартира принадлежит Лере. Почему ты ей об этом не сказала?» Мама помолчала, потом неожиданно сменила тон: «Просто забыла, очень из-за балетного конкурса переживала».

Глава четвертая

Валерия провела ладонью по лицу.

– Ада Марковна появилась на свет в столице, все ее предки были потомственными москвичами. Детей в семье, кроме нее, не было. Поэтому ей одной достались огромные апартаменты в Глазовском переулке. Это Старый Арбат, из окон пятикомнатного жилья видно здание МИДа, совсем рядом шумит Садовое кольцо. Не самое лучшее место для жизни – шумно, грязно. Мои родители живут в самом начале Тверской. А у бабушки с дедушкой по линии папы была «трешка» неподалеку от Московской консерватории. Анна Степановна преподавала вокал, Мефодий Кириллович был концертмейстером. Они не были классическими дедулей с бабулей, которые занимаются внуками. Бабушка была вся в работе, у нее студенты, частные уроки. К сыну в гости они не приходили никогда! Но меня к себе приглашали, я у них бывала и дома, и в ресторане на днях рождения. Собиралась толпа народа. Меня наряжали, причесывали, велели молча стоять в холле около няни, всем улыбаться. Когда приходила пора садиться за стол, Ада Марковна уводила меня домой. Почему к нам родители отца не заглядывали? Я не знала. Но один раз, когда я уже была старшеклассницей, няня проговорила, что старшее поколение терпеть не может жену сына, потому что та без роду и племени, обманом в приличную семью влезла,

вынудила мальчика на себе жениться. Кстати, мама никогда не участвовала в приемах, которые проводились в ресторанах.

Валерия начала накручивать на палец прядь волос.

– Отвлеклась немного, простите. Когда Ада Марковна скончалась, мне и в голову не пришло поинтересоваться, кому досталась ее квартира, не думала о жилье Гришиной. И вдруг новость: я владелица ее хором. Я сходила к юристу, тот объяснил, что в течение шести месяцев кто-то может заявить свои права на наследство. Но так как завещание составлено в мою пользу, особо волноваться не стоит. А я уже ухаживала за могилой Ады Марковны. Няню похоронили на Ваганьково, у нее там лежат все родственники. Конечно, знала, что ее апартаменты в плохом состоянии, и когда стала их владелицей, поняла, что требуется масштабный ремонт. Встал вопрос: где денег взять? Получала хорошую зарплату, но чтобы не жить около мамы, снимала квартиру – большая часть получки уходила хозяйке однушки. Ну и пришла в голову мысль продать подарок няни, купить в Подмосковье дом с участком, поселиться там. Смогла бы исполнить мечту детства, завести собаку, да не одну, и кота в придачу. В основном работала дома, животные скучать не стали бы. Накопила бы на небольшую машину...

Валерия отвернулась к окну.

– Обратилась в риелторское агентство. Дальше как по маслу покатило! Нашлись три покупателя. Один предложил са-

мые выгодные условия: обмен его нового коттеджа в хорошем поселке в пятнадцати километрах от Москвы на мою квартиру плюс сумма, на которую можно купить бюджетную иномарку. Оформили сделку. Взяла кредит на мебель, въехала! Вот оно, счастье! С родителями не ругалась, но наше общение почти к нулю свелось. Квартира родителей отца досталась Мариусу. И это справедливо. Московские апартаменты моего дедушки Гео отошли Леокадии. Каким образом моя мать оказалась на Тверской? Моя бабушка, жена дедушки Георгия, умерла рано. Вдовец впал в депрессию, начал говорить и о своей скорой смерти. На тот момент и тетя Лека, и моя мать совсем молодые были. Отец им сказал: «Предлагаю вам выбор. После моей смерти одна из вас получит мое московское жилье со всем содержимым. А другая станет обладательницей хором в любом районе Москвы. Только решать надо сейчас, пока есть возможность эти самые хоромы как бы бесплатно получить. Ну?» – «Не хочу жить в старой квартире, – закапризничала Эмилия, – мне нужны апартаменты на Тверской». Леокадия же произнесла другие слова: «Папочка, я останусь там, где прошло детство». Она не стала спорить с Эмилией, и та потом въехала в квартиру на Тверской. Лека постоянно была на гастролях. Когда свое оттанцевала, стала хореографом и снова начала разъезжать по разным городам-странам. Но о папе не забывала, всегда привозила ему вкусный сыр, чай, лекарства, одежду. Когда дедуле совсем плохо стало, мы с тетей Лекой его постоянно

навещали, не давали скучать. И Леокадия наняла отцу сиделку с проживанием – тот никогда один не оставался. Вот еще интересный факт. Когда отец заболел, Лека и к нему забегать стала. Носила маминым свекру и свекрови хорошие конфеты, гулять их вытаскивала. Заботилась о них, как родная дочь, а ведь они ей никто! И тетя обрадовалась, когда узнала, что бабушка Анна завещала свои апартаменты Мариусу. Бабушка пережила мужа, но вечно никто не живет. Во время поминок свекрови мама вся нервная была – понятно, с трудом сдерживается, чтобы скандал не устроить. Очень ей хотелось поорать, а нельзя. Бабушка до последних дней преподавала, народу собралось ее проводить уйма! Можно сказать, весь цвет оперного пения, и не только России. Вот мама и стиснула зубы. Отец был спокоен, если не сказать радостен. К нему с соблезнованиями подходят, он унылое лицо делает. Но едва человек отойдет, папа телефон хватает, с кем-то переписывается. И вид у него становится как у кота, который славно пообедал.

Валерия неожиданно замолкла, потом молитвенно сложила руки.

– Пожалуйста, простите за ненужные воспоминания! Перехожу к делу. Все началось в прошлом году. У меня был день сдачи работ в «Союзмультифильме». Поехала туда, до обеда обсуждала свои работы, потом говорила о новом проекте. И тут звонок на мобильный. Меня разыскивал брат. У меня сердце екнуло. Мы с Мариусом поддерживаем хоро-

шие отношения, но друг другу совсем чужие. И прямо крик из трубки: «Лера, приезжай скорее, матери совсем плохо!» Естественно, я понеслась домой к маме. Кто дверь открыл? Не помню. Голос сказал: «Ты отца убила». Потом стакан в руке оказался. Выпила воду. Кто ее принес? Не знаю. И тут мать перед глазами, хватает меня за руку, впихивает в комнату, визжит: «Смотри, что ты наделала! Ты во всем виновата!» Я обомлела. Мать вопит, пахнет чем-то противным, вроде сладкого протухшего мяса, дышать нечем, в ушах звенит, сил почему-то нет, спина вдруг похолодела, закружилась голова, ноги подкосились... Больше ничего не помню.

Посетительница замолчала, мы с Борисом тоже не произносили ни слова. Фокина потрясла головой.

– Дальнейший мой рассказ покажется вам фантастическим романом. Но это правда. Очнулась в незнакомой комнате, лежу в кровати, захотела встать – не могу, руки-ноги привязаны к постели. Начала кричать. Появилась крепкая женщина, высокая, прямо огромная, и неожиданно ласково спросила: «В себя пришла? Ты в клинике. Не нервничай. Если что надо, скажи». Я ей ответила: «Хочу в туалет, но меня почему-то привязали». – «Так положено, – кинулала незнакомка. – Натворила ты, девка, дел. Судно сейчас подам. Затем поговоришь с доктором. Не бойся, он умный, добрый. А потом поглядим, как станут события развиваться».

Валерия сложила руки на коленях.

– Не стану грузить вас описанием своих чувств. Суть та-

кова. Мать рассказала, что я пришла к ней домой и словно с ума сошла, затеяла скандал, орала на нее. Отец вмешался, я что есть сил его толкнула, он начал падать, ударился головой о консоль и умер. Мариус плохо помнит, что произошло, он очень испугался. Мать же утверждает, будто я, поняв, что убила отца, кинулась к аптечке, вытряхнула разные лекарства, проглотила их, запила водой, сказала: «Сама себя накажу за смерть папы», – и рухнула без чувств. Что в этот момент делал сын, мать не в курсе, потому что сама потеряла сознание. Мариус ничего сообщить не может, на диване сидел, голову руками обхватил, глаза закрыл. Я кричала: «Моя квартира! Ты никогда не была родственницей Ады Марковны». Мать в ответ: «Марк, отец Гришиной, родной брат моего папы. Я тоже наследница». И тут я превратилась в фурию, бросилась на женщину. Мариус кинулся к маме, отец – ко мне... Дальше версии совпадают: я отпихнула отца, тот упал головой на угол консоли.

Валерия потеряла лоб.

– У кого угодно спросите, я никогда не дерусь. Даже в детстве в песочнице я предпочитала отдать ведерко, а не лупить им другого малыша. Почему в тот день продемонстрировала яркую агрессию? По какой причине почти ничего не помню? У меня диагностировали реактивный психоз. Отца похоронили, понятно, что я в траурной церемонии не участвовала. Меня поставили на учет в психдиспансер. Заперли в клинике надолго, вышла пару месяцев назад. Сейчас мать

меня ненавидит еще сильнее, чем раньше. Мариус от меня не отказывается, он со мной мило разговаривает. Живу за городом в своем коттедже. Издательство никак не отреагировало на нахождение автора в сумасшедшем доме. Редактора волнует лишь одно – сдам ли вовремя рукопись. Я, вроде, начала в себя приходить. Но недавно позвонил Мариус, предупредил, что он с мамой теперь не живет, обосновался в апартаментах, которые ему завещала бабушка Анна Степановна. Но каждый день навещает мать. Она сыну сообщила, что легко докажет, будто я больна и опасна для окружающих. Мать добьется опеки надо мной, засунет опять в психушку, запрет там навсегда. Я убила отца и могу лишить жизни других людей. Пожалуйста, докажите, что я не лишала жизни папу.

Валерия упала лицом в юбку.

– Помогите! Я нормальная! Поговорите с Леокадией Георгиевной, она тоже из балетных, всегда хорошо относилась ко мне. Меня в детстве хвалила, потом очень радовалась моим успехам на писательском поприще. Честное слово, не убивала отца! Я его любила!

– Какие у вас отношения были в детстве с братом? – заинтересовался Борис.

– Какие? – переспросила посетительница. – Никакие. Мама всегда подчеркивала, что я бездарь, а Мариус гений. Но поскольку позором семьи меня объявили задолго до появления мальчика на свет, в голове у меня не было мыслей, что

брат виноват в нелюбви родителей ко мне. В детстве особой дружбы между нами не было. Да и откуда ей взяться? Разница в возрасте исключила совместные игры. Затаила ли обиду на Мариуса, когда мать не оценила мои первые литературные и художественные успехи? Нет. Давно знала, что мама меня не любит, предмет ее самых нежных чувств только сын.

– Зачем Эмилии Георгиевне квартира Ады Марковны? – спросил я. – Если правильно понял ситуацию, она сейчас одна владеет дорогими апартаментами на Тверской.

– Не знаю, – прошептала посетительница. – Мать очень любит деньги. В раннем детстве я считала себя во всем виноватой. Я не балерина, не певица – не такую девочку хотели родители. Я старалась, но у меня ничего не получалось. Потом повзрослела, поняла: меня просто не любят. Почему? Потому что на свет родился не тот ребенок, которого хотели. А уж затем, став взрослой, осознала: моей вины-то нет! Да, не балерина, не певица, не каждому отпрыску оперных див и балетных премьеров достается талант старшего поколения. Сама мать балерина из последней десятки, она не Плисецкая, не Уланова, не Максимова... Просто танцовщица, не гений. Она одна из! Не великая! С отцом та же ситуация. Для простого человека, никак не связанного с искусством, тот, кто поет на оперной сцене, – звезда самой яркой величины. В принципе, верно, откровенный шлак в солисты не попадает, а вот середнячок, да еще если кто ему поможет, там окажется. Давайте вспомним Лучано Паваротти, Андреа Бочелли,

Пласидо Доминго, Дмитрия Хворостовского, Леонида Собинова, Сергея Лемешева, Владимира Атлантова. В этом списке нет и не будет Кирилла Фокина. Прекрасный певец, голос чарующий, но не гений. Но я-то ни в чем не виновата, у детей своя дорога! Пожалуйста, докажите, что не убивала отца! Не знаю, что случилось! Ничего не помню! Но не могла так сильно пихнуть папу, что он с ног свалился! Отец был под два метра ростом, веса за сто кило. Гляньте на меня! Метр шестьдесят два, сорок пять килограммов. Разве сумеет мышшь гору опрокинуть?

Когда мы проводили клиентку, Борис сказал, закрывая дверь:

– Вспоминаются слова из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова: обыкновенные люди, квартирный вопрос только испортил их. Извините, если не дословно процитировал.

– Да уж, – вздохнул я. – История странная, запутанная. Попробуем разобраться. И...

Раздался звонок домофона, батлер глянул на экран.

– Пришла ваша матушка, с ней какой-то мужчина.

– Очень хочется прикинутьсядохлым голубем, – пробормотал я, – но номер не пройдет.

Звонок опять занервничал.

– Пойду в кабинет, – решил я. – Впустите их, когда окажусь в рабочей обстановке.

Глава пятая

– Наконец то! – сердито произнесла маменька, влетая в комнату. – Эдичка! Сюда.

Перед моими глазами предстал парень, наряженный в розовый пиджак, зеленую рубашку, синие брюки и оранжевые ботинки.

– Вава, знакомься, перед тобой Эдуард Трубецкой фон Блюмен, – завела маменька, – племянник Карла Сергеевича Волконского, мужа Элен, дочери его жены от пятого брака.

Трубецкой фонд Блюмен? Интересное сочетание фамилий. С Карлом Сергеевичем Волконским я знаком шапочно, видел его пару раз на каких-то тусовках. Пассаж «муж Элен, дочери его жены от пятого брака» звучит загадочно. Но не следует сейчас терять время на выяснение, чья супруга Элен и кто многократно сходил в загс.

– Рад встрече, – старательно улыбнулся я.

– Борис! – закричала маменька.

– К вашим услугам, – поклонился мой секретарь.

– Мы пришли, – ринулась в атаку маменька. – Ни чая, ни кофе! В чем дело?

– Жду ваших указаний, – ответил Боря.

– Хорошая прислуга сама знает, что принести! – взвилась маменька. – Ты уволен. Исчезни с глаз долой.

Боря молча ушел.

– Эдичка, рассказывай, – уже иным тоном заговорила маменька.

Парень, сильно жестикулируя, начал доклад:

– Коллекция одежды, которую создала госпожа Адилье, гениальна и проста. Простота гениальная. Гениальность в простоте.

Я кивнул. Значит, маменька теперь модельер.

– Моя задача – воплотить нечеловечески красивые и оригинальные вещи в тканях и других материалах, – продолжил Эдуард. – Компронэ?

– Компронэ, – кивнул я.

– Вава! – воскликнула маменька.

Я прикинулся дурачком.

– Что?

– Слушай молча, не перебивай Эдди, веди себя прилично, – прошипела маменька.

– Мне задали вопрос: «Компронэ»? Невежливо промолчать.

– Бархат, парча, хлопок, другие материалы хороши, но они используются всеми, – продолжил Трубецкой фон Блюмен. – Ну чем оригинально платишко из хлопка? Это же платишко из хлопка! В таких ходит метростадо.

– Метростадо? – удивился я. – Никогда не слышал про такой город.

– Стадо пассажиров метро, – уточнил Эдди. – Они как обезьянки. Никакого самовыражения. Один купил себе рва-

ные джинсы, через неделю все в такие нарядаются. А у госпожи Адилье оригинальность с ноткой юмора. Ее коллекция носит название «А пошли пожрем».

– «А пошли пожрем», – повторил я, – необычно.

– Рад, что уловили суть! – обрадовался Эдуард. – Уникальная одежда! Для любого сезона, возраста, для каждой фигуры. Не являюсь фанатом боди-позитива. На мой взгляд, бегемот в обтягивающем платье – антисанитарное зрелище. Но мне не по вкусу и замороженные голодом кузнечики, которые шагают по «языку», шатаясь на ножках комара. Итак! Для вас три лука.

Я сидел с приклеенной улыбкой. Три лука? Один репчатый, второй зеленый, а третий какой? И что мне с ними делать?

– Первый! Жареная курица, – продолжил модельер. – Как вам такое?

Мне предстоит пройти перед публикой, неся в руках блюдо с готовой цыпой, которую окружили головками лука?

– Без проблем, – кивнул я.

– А вы мне нравитесь, – улыбнулся фон Блюмен, – не капризничаете, демонстрируете настоящее мужское отношение к вопросу. Пацан пообещал – пацан сделал. Сейчас такое редкость. Второй лук! Черная икра! Согласны?

Я молча кивнул. Нет труда сбегать туда-сюда с банками.

– С вами отлично иметь дело! – восхитился Эдик. – Надеюсь, третий лук так же быстро утвердим. Латтэ! Это такой

кофе! Как вам?

– Согласен, – ответил я.

Трубецкой фон Блюмен бросился к Никоlette:

– Дорогая, он замечательный, восхитительный, характер ангельский, внешность Аполлона, спасибо за расчудесного Ива!

Я попытался понять, кто такой Ив, но тут маменька решила высказаться:

– Посмотрим, как дело пойдет дальше. Когда первая примерка?

Эдуард переместился ко мне.

– Первый лук со мной. Если располагаете временем, можем прямо сейчас примерить. Чтобы понять, где ушить, расставить, поправить. Клянусь всем самым дорогим, больше часа у вас не отнимем.

– Он готов, – решила вместо меня маменька.

Я стоял молча, не понимал, что примерять. Поднос в руке, дабы понять, как держать курицу и все остальное?

Трубецкой фон Блюмен молитвенно сложил ладони:

– Душа моя, Ив, соглашайтесь. В городе ужасные, страшные, невозможные, адские пробки. Если сегодня примерка не получится, вам придется ехать в ателье! Компронэ? Три часа в ужасных, невозможных, страшных, адских заторах! В толпе автостада, а оно хуже метростада! Около вас окажется дешевенький «Мерседес», за рулем дядька в шерстяной шапке. Вас стошнит от его вида! Пожалейте себя! Сейчас жи-

венько прикинем один лук, и свободны, никуда не едем, время не теряем. Компронэ меня?

– Компронэ, – кивнул я, – компронэ!

Эдуард заломил руки.

– Никки! Он мой герой! Красавец! Умница! Рост как у Наполеона!

Я постарался не рассмеяться. Император Наполеон Бонапарт не дотягивал двух сантиметров до метра семидесяти. Я намного его выше.

Но высота тела не есть высота таланта и духа. Мне никогда не стать императором Франции, не положить к своим ногам полмира. Маменька считает меня никудышным сыном. Вот дети Куки, Зюки и других неизменных участниц маменькиных суаре – вот они прекрасные. Никакого значения не имеет то, что эти мужчины не зарабатывают ни копейки. Они же творческие личности. Один вот уже тридцать лет пишет книгу, никак не завершит рукопись, но она «шедевр, шедевр, шедевр». Второй – режиссер, он не поставил ни одного спектакля, не снял фильм, но «мальчик» – «гений, гений, гений»!

Когда Валерия рассказывала о своем детстве, очень хорошо ее понимал. Поэтому и решил взяться за дело.

Я прогнал из головы ненужные мысли и сосредоточился на беседе с гостями.

– Глаза как у доброй собаки! – ликовал Эдуард, хватая телефон. – Валюша, Нинуля! Сюда! Живо! Примерка! Не жвачьтесь! У моего драгоценного друга Ива времени в обрез.

Ему сегодня непременно надо успеть в Кремль, где его ждет президент. В смысле? Что за вопрос, какой президент? Тот, что в Кремле! Что значит – в каком Кремле? О мамма миа!

Парень швырнул мобильный на диван.

– О добрый Боженька, пошли Эдичке любые испытания по своему вкусу, только избавь от дураков! Валя и Нина! Два негасимых светоча разума, победительницы конкурса на самый идиотский вопрос. В каком Кремле сидит президент и что он возглавляет! Убиться об асфальт! Воды, пожалуйста! Если можно!

– Борис! – закричала Nicoлетта.

В ответ тишина.

– Борис! – завопила что есть сил маменька. – Сюда немедленно!

И вновь никакого результата. Маменька повернулась ко мне:

– Где лентяй?

Я пожал плечами:

– Не знаю.

– Безобразие, – обозлилась маменька. – Хорош хозяин!

Понятия не имеет, куда подевался секретарь!

– Он ушел, – уточнил я. – Вот куда неведомо. Ты же его выгнала.

– Я? Выгнала? – подпрыгнула маменька.

– Да, велела убираться. Вот Борис и покинул нас. Мне сейчас мерить лук, поэтому не могу отойти. Придется Эдуарду

обойтись без питья.

– Немедленно верни идиота! – прокричала маменька.

– Борис! – крикнул я.

Батлер материализовался в комнате.

– Слушаю вас.

– Будьте добры, принесите гостю минералку, – попросил я.

– Рад бы, но не имею права, – с каменным выражением лица ответил батлер, – меня выгнали, собираю вещи.

– Тебя снова взяли на работу, – процедила маменька.

– Значит, могу разбирать уже собранные вещи? – уточнил мой помощник.

– Сначала притащи воду! – рывкнула маменька.

Глава шестая

Минут через десять предо мной предстали две женщины. Определить их возраст оказалось невозможно. Со спины пионерки, сбоку пенсионерки, а лица... Дамы обладали черными-пречерными широкими бровями, темно-синими полосками на веках, губами утенка, которого в клюв укусили пчелы, а щеки, лоб и подбородок у них оказались покрыты толстыми слоями косметики, которая опускалась и на шею. Как гости выглядят после тщательного умывания, представить невозможно.

Красавицы бросили на пол здоровенные сумки и хором поздоровались:

– Приветик.

Потом одна деловито поинтересовалась:

– Где работаем?

– В гостиной, – ответила вместо меня маменька, – где же еще?

– Здравсти, – улыбнулась помощница Эдуарда, – Нина я.

– Ау, мамаша, очнись! – захихикала вторая. – Нина я, а ты Валя!

– Да... – протянула ее коллега. – Совсем я ошизела, хотела сказать «Нина у двери», а вылетело изо рта «я Нина», совсем... с этой работой!

– Нинон, – остановил матерщинницу модельер, – мы на-

ходимся в приличном обществе, следи за языком!

– С какой поры... вешалка-мужик стал приличным обществом? – изумилась Валя. – Давай, парень, раздевайся, щас тебя нарядим!..

– По полной программе, – поддакнула Нина.

Эдуард встал и поклонился мне:

– Уважаемый Ив, прошу простить дурно воспитанных баб. И не снимаю с себя вины за то, что не представил вас как положено!

Потом он повернулся к веселой парочке:

– Перед вами герцогиня Николетта Адилье! Ей принадлежит самый популярный светский салон России, куда приходит весь цвет общества. Муж госпожи Адилье – мультимиллионер из списка «Форбс». Если Вольдемар узнает, как вы тут себя ведете, он свистнет своих вассалов и велит убрать вас, грубиянок, навсегда.

– Да че я сделала? – заныла Валя. – Уж простите, работаю простой помощницей, может, чего не так сказала! Ваще... не хотела обидеть!.. И не матерюсь никогда!

Эдуард возвел руки к потолку:

– О Боже, дай терпения! Слова и обороты, которые ты произносишь, – это что? Не мат?

– Какие? – искренне удивилась тетушка.

– ...! – услужливо подсказала Нина.

– Тебя, ..., не спрашивали, закрой... и стой молча, – огрызнулась Валя.

Потом она улыбнулась.

– Значит, мужик не вешалка, а муж герцогини?

– Иван Павлович – старший брат госпожи Адилье, – начал рассказывать теперь обо мне Эдуард, – представитель княжеского рода Подушкиных, владелец сети детективных агентств по всему миру.

– ...! – протянула Валя. – Ну ваще!

– Прекрати материться! – гаркнул модельер.

– Честное слово, никогда не ругаюсь! – потрясла головой

Валя. – Не моя привычка.

– «...» кто секунду назад ляпнул? – покраснел Эдуард.

– «...»? – повторила Валя. – Какой же это мат? Просто русская народная поговорка. Ее все используют. Упадешь на улице? «Ну ...»! Кошелек вытащили? «Ох, ...»! Пословица такая! «...»!

Я опустил глаза. Русская народная поговорка! С этим не поспорить. Молодец, Валя, хорошо объяснила.

Эдуард развел руками:

– Ив, ну простите. Давно воспитываю их, но нет результата.

Я решил перевести беседу в деловую плоскость:

– Что я должен сделать?

– Раздеться догола и стоять смирно, – сказала Нина. – Обмерять будем.

– Догола? – переспросил я, не готовый к такому продолжению. – То есть без нижнего белья совсем?

– Трусы можете оставить, – захихикала Нина. – Любопытно, конечно, посмотреть...

– Замолчи! – простонал модельер.

– Носки тоже не снимайте, – продолжала женщина, – носки для мужиков самое ценное. Странно, что они их вместо трусов не используют, соединили бы две свои самые обожаемые штуkenции, вот и счастье бы привалило.

– Иван Павлович, вы не забыли про встречу с Ротшильдом? – тихо спросил Борис.

У маменьки зазвонил телефон, она вытащила из кармана трубку.

– Дюка! О-о-о! Неужели? Сейчас буду! Эдуард, мы уходим.

– Но мерки! – попытался возразить модельер.

– Вава тебе их пришлет, – отмахнулась маменька.

– Однако... – захотел поспорить парень, но маменька глянула на него.

Юноша сник. Мне стало жаль модельера, поэтому решил успокоить бедолагу:

– Эдуард, не волнуйтесь, Борис меня обмеряет и пришлет вам нужную информацию.

– Стану вашим вечным должником! – обрадовался модельер. – Девочки, уходим.

– До свидания, – пропела Нина. – Жаль, не удалось вас измерить. Валя, чего молчишь?

– Хочу сказать «оревуар», а на языке русская народная

поговорка вертится, – прошептала коллега Нины. – Аж голова заболела. Похоже, давление поднялось.

Я встревожился:

– Валя, если вам плохо, то не мучайтесь! Разговаривайте как привыкли. С гипертонией не шутят!

– Спасибо! – обрадовалась женщина. – ..., хороший вы человек, Ванечка Павлович, ...!

Проводив незваных гостей, Борис вернулся в кабинет и улыбнулся.

– Время, которое провел в изгнании, не потратил зря. В прессе ничего о смерти певца Кирилла Мефодиевича не сообщали. Он не знаменитость первой яркости. Аккаунтов ни у него, ни у супруги нигде нет.

– Возраст не тот, – кивнул я.

– Сейчас большинство пенсионеров по достоинству оценило интернет, – возразил Борис. – Бабушки, которые сидели у подъездов на лавочках и всех обсуждали, переместились в Сеть. Кроме возможности посплетничать для возрастных пользователей есть и другие развлечения, всякие клубы по интересам, например цветоводов, собачников-кошатников, любителей гимнастики. Недавно случайно наткнулся на портал «Научим плести корзины из бумаги». У них больше пятнадцати тысяч участников. И еще бабушки-дедушки оценили читалки, они же могут легко текст на экране увеличить. Но все эти радости прошли мимо пары Фокиных. Нет в Сети и Леокадии. Нашел ее в базе прописки. Позвонил, кратко

объяснил, почему просим о беседе.

Боря вскинул брови.

– Повисла долгая, истинно мхатовская пауза, затем прозвучал ответ: «Исключительно ради Ивана Павловича готова встретиться». Старшая сестра Эмилии ждет вас через два часа в закрытом ресторане «Оригами-мами». Разрешите дать совет?

– Конечно, – кивнул я.

– Когда начал беседовать с Леокадией, сначала она держалась настороженно, отвечала вежливо, но холодно: «да», «нет», – принялся объяснять батлер. – А вот когда заговорил о личной встрече, дама начала расспрашивать о вас. Первый вопрос: из какой семьи частный детектив. Услышала, что вы сын покойного Павла Ивановича, и сразу тон сменила, вмиг согласилась. Думаю, на свидание с Леокадией следует идти в костюме и при галстуке и прихватить букет. Коробка дорогого шоколада тоже не помешает.

– Вы правы, – согласился я. – Пошел превращаться в настоящего дамского угодника.

Глава седьмая

– Иван Павлович, – улыбнулась стройная дама и протянула мне руку.

Я наклонился над ее дланью, изобразил поцелуй.

Человек забывает массу нужных сведений, но способен помнить всякую ерунду. Когда-то мой отец объяснил мне, подростку: «Если надо поцеловать женщине руку, не следует чмокать кисть с чавканьем, ронять слюни на кожу. Просто возьми нежную лапку и сделай вид, что прикасаешься к ней губами. А дама должна понимать, что для поцелуя не подадут грязную кисть с ногтями, под которыми траур. У нее может не быть красивой прически, она просто вымыла голову и небрежно причесалась. И одежда не по последней моде, и бриллиантов нет. Но руки обязаны выглядеть безупречно. Коли предполагается, что вечер может завершиться интимным ужином при свечах на территории кавалера, то хорошо бы леди вспомнила про педикюр, иначе возможен конфуз».

Слова эти вспомнились мне и тогда, когда я пригласил некую особу на субботу-воскресенье в подмосковное СПА. Понятно, что поездка предполагала интимное общение после бассейна, массажа и ужина. И хорошо, что в данном перечне первым оказался заплыв. В одежде моя спутница выглядела идеально. В купальнике ее фигура смотрелась безупречно. Но когда я увидел ее ступни, ногти, пораженные

грибком, заскорузлые пятки... Вот тут у меня враз пропало всякое желание плескаться с нимфой. Я отправил Боре смс, батлер живо перезвонил, я «случайно» включил громкую связь, и дама услышала: «Простите за беспокойство, но Тимофеева только что убили, вам необходимо срочно вылетать в Тверь. На десятом километре ждет личный вертолет». И я спешно удрал, оставив красавицу развлекаться в одиночестве.

– Вы меня, конечно, не помните, – засмеялась Леокадия. Я насторожился.

– Мы раньше встречались?

– Да, и не раз. Как поживает Николетта?

– Спасибо, у нее все хорошо, – кивнул я.

– Вот уверена: женщина после смерти супруга вновь успешно вышла замуж, – засмеялась моя собеседница.

– Вы правы, – согласился я.

– Николетта – кошка, которая, выпав из окна, всегда приземляется на лапы. Имя Дмитрия Барсова вам что-то говорит?

– Поэта? Он жил с нами в одном подъезде на седьмом этаже.

– Его жена Марина убежала к писателю Георгию Николаеву.

– Простите, – улыбнулся я, – наверное, эта печальная история случилась до моего рождения. Про Марину впервые слышу.

– Детям такое не рассказывают, – усмехнулась Леокадия. – Марина была до Елены, она вышла замуж за Барсова по голому расчету. Девушка из деревни, служила домработницей у Николетты. Барсов с ней в подъезде постоянно сталкивался, ну и влюбился. Краснощекая, грудастая, крепкая девица отличалась от всех жен литераторов.

Я, именно в этот момент сделав глоток чая, подавился, начал кашлять, но потом сумел произнести:

– Тесен мир!

– Николетта страшно негодовала, – засмеялась Леокадия. – Ее прислуга оказалась вровень с бывшей хозяйкой, возвысилась до супруги члена Союза писателей, да еще живет с ней в одном подъезде! А Марине скоро надоел Дмитрий. Он направо-налево гулял, в доме вечно устраивал пьянки. Жена пожила с веселым мужиком и ушла к Георгию Николаеву. Тот спиртным не увлекался, дым коромыслом в квартире не затевал. Пара поженилась, спустя два года на свет появилась я. А Барсов никак не мог успокоиться, что Марина его кинула, начал пить без продыха. Принимал энную дозу водки и приезжал к Николаевым. Мама и папа его не выгоняли, успокаивали, порой оставляли ночевать. Поэт стал членом семьи, меня он очень любил. Мои родители – люди сострадательные, им удалось отучить рифмоплета от бутылки. Барсов потом женился на Елене Львовне, которая преподавала в балетном училище. Она тоже стала нашим семейным другом. Вторая супруга благотворно повлияла на

мужа, он начал активно работать. Елена познакомила Барсова с композитором Рыковым, родился очень успешный творческий дуэт, песни которого звучали по радио, исполнялись на концертах. Их до сих пор поют, они стали классикой жанра. Именно Елена Львовна увидела во мне задатки балерины, и я стала посещать училище. Потом у родителей появилась Эмилия, она младше меня на восемь лет.

Леокадия взяла пирожок.

– Прекрасен момент, когда танцовщица выходит на пенсию. Она может теперь позволить себе разные бесполезные для фигуры вкусности. Я не стала солисткой классического балета, ушла в народный танец. После окончания училища меня пригласили в коллектив, который успешно гастролировал и до сих пор любим зрителем в России и за рубежом. Я объездила почти весь мир. У меня много друзей в разных странах. Сейчас по-прежнему живу в самолете, стала хореографом в своем ансамбле, меня там считают талисманом удачи. А вот с Эмилией общение не сложилось. Я пыталась с ней дружить, но сестру съедает зависть. С самого детства она хотела иметь все, что есть у меня, но в двойном размере. Мне купили новые туфли? Эми необходимо несколько пар. Учтите, у нас разница восемь лет. Мне шестнадцать, я завершаю обучение в училище и начинаю работать на сцене. Эми ходит во второй класс. А теперь представьте картину: сижу в своей комнате, отдыхаю после занятий, читаю книгу. Дверь распахивается, влетает Эмилия, размахивает вешал-

ками, кричит: «Тебе купили одну юбку, а мне две и блузку в придачу! Плачь теперь, грызи ногти». Как вы на такое отреагируете?

– Ни разу не оказывался в подобной ситуации, – улыбнулся я, – но, скорее всего, не сумел бы удержаться от смеха. Невозможно обижаться или сердиться на малышку.

– Вот и я начинала веселиться, – кивнула Леокадия. – А Эмилия впадала в ярость. Говоря откровенно, балерина из младшей сестры не лучшая. Но у мамы и папы были хорошие связи. Родители очень любили нас, помогали нам. Я никогда не скрывала, что получила шанс танцевать в самом известном ансамбле благодаря протекции отца.

Леокадия взяла чашку, а я воспользовался паузой, чтобы высказать свое мнение:

– Многих детей известных людей устраивают на теплые места, родители надеются, что наследники пойдут по их пути. Я учился в литературном институте, попал туда по просьбе Павла Ивановича. Но стать писателем мне не суждено – начисто отсутствуют талант и желание накропать роман. Да, вас взяли в ансамбль из уважения к старшему поколению, но никто не станет держать ленивого косолапого лебедя. Думаю, вы старались изо всех сил.

– Верно, – согласилась Леокадия. – Очень хотела остаться в коллективе, летать за границу, боялась опозорить старших членов семьи. А Эмилия захотела себе ставку в Большом театре, но туда ее не взяли. Папе пришлось здорово постарать-

ся, чтобы младшую дочь приняли в другой коллектив, рангом пониже. Я надеялась, что теперь ее зависть утихнет. Ан нет! Эми принялась требовать, чтобы ее брали на гастроли за рубеж. Но за такие поездки всегда драка, и в основном едут примы. Наши отношения накалились до предела, когда я в очередной раз прилетела из Америки, привезла всем подарки. Сестре вручила набор футболок с забавными картинками. «Дерьмо носи сама, – фыркнула Эми. – Не могла что-то приличное взять?» Окончательно мы разошлись, когда умерла Елена Львовна. Дмитрий Владимирович скончался раньше. И оказалось, что мне кое-что завещано. Но главное – я получила авторское право на все песни Барсова. А они, как уже упоминала, до сих пор исполняются. Эми пришла в негодование, потребовала: «Отдавай восемьдесят процентов гонораров поэта». Я удивилась: «С какой стати?» – «Тебе деньги девать некуда, а мне не на что прилично одеться!» – закричала сестра. В разговор вмешался отец: «Лека привозила из всех поездок Барсовым лекарства, никогда с них ни копейки не брала, хотя таблетки очень дорогие. В свободное время прибегала к Елене, водила женщину гулять. Наняла для нее домработницу, оплачивала ее работу. Лека заботилась о наших друзьях. А что сделала ты, кроме того, что злилась, когда Лена к нам приходила? Ты рожи корчила: „Фу, от нее воняет!“» – «Так и правда запах омерзительный от бабы шел», – фыркнула младшая дочь. «Леночка аккуратный человек, но что делать, если пришел тяжелый недуг?» –

возмутилась мама. «Дома сидеть! – завопила Эмилия. – Не портить другим жизнь, не вонять у них в квартире».

Леокадия допила чай.

– Спустя несколько месяцев Эми мне объявила: «Вот теперь поймешь, каково это – на чужие бриллианты смотреть и знать, что тебе такие не достанутся. Выхожу замуж за Романа Братова». Сначала я обрадовалась. Мужчина – певец номер один, в Ла Скала поет, на других лучших сценах мира работает. Гастроли у него на много лет вперед расписаны. Слава богу, Эмилии повезло. Но потом восторг утих, я спросила: «Вроде, Роман состоит в браке?» – «Жена не стена, подвинуть можно, – хихикнула сестрица. – Она больная совсем, скоро умрет».

Леокадия поежилась.

– До сих пор неприятно, когда тот разговор вспоминаю. И что получилось? Законная половина Братова выздоравливать начала. Эмилия все равно решила своего добиться, позвонила супруге Романа, про свою связь с Братовым доложила. Но женщина была старше Эми и умнее, она засмеялась: «Многие бычки бегают по чужим угожьям травку жевать, да в родное стойло возвращаются. Знаю про ваши отношения, сама посоветовала Роме тебя в качестве временной партнерши использовать. Сама болела, а для мужчины воздержание опасно. Теперь выздоровела, в твоём обслуживании больше нет необходимости. Скажи, сколько за услуги должны? Сразу заплатим!»

Рассказчица покачала головой.

– Опустила она Эмилию с высоты будущей жены Братова на уровень проститутки. Сестра просто взбесилась, пошла к директору театра и выложила историю, мол, Братов к ней поздно вечером в гримерку вломился, изнасиловал, вот пусть теперь все пожелания Эми выполнит. Ей нужны квартира, машина, дача, сольные партии, поездки за рубеж. И вообще, она беременна!

Леокадия подозвала официанта, заказала еще чаю и продолжила:

– Жадности у сестры намного больше, чем ума. Директор пообещал разобраться, через пару дней пригласил Эми в кабинет. Она вошла, а там Роман сидит, улыбается: «Дорогая, ты напутала, вот справка от врача! У меня нет и не может быть детей по причине перенесенной в подростковом возрасте свинки. Если ты и впрямь беременна, то точно не от меня. И что? Продолжишь молотить языком о наших кратковременных отношениях? Или заткнешься?» Потом повернулся к директору и осведомился: «Кого больше хочешь в друзьях иметь, меня или убогую подтанцовку?» – «Конечно, тебя, – вмиг ответил начальник, – кому эта утка, косящая под орла, интересна?!»

Леокадия развела руками.

– Итог акции – Эми вытурили на улицу. Сестра ко мне примчалась в слезах. Отношения у нас плохие, но помочь ей больше было некому. Попросила кое-кого, Эмилию взя-

ли в штат другого, не особо популярного театра. Прошло несколько месяцев, и выяснилось, что Эмилия и впрямь беременна.

Глава восьмая

– Значит, Валерия не родная дочь Кирилла Мефодиевича? – уточнил я.

Леокадия объяснила:

– Кирилл женился на Эмилии, и через пару месяцев после росписи у молодой супруги живот вырос. Нет точного ответа на вопрос, от кого родилась Валерия. Думаю, после беседы с Братовым сестра вскоре легла в постель с влюбленным в нее Фокиным. Он тогда был хорошим концертмейстером, служил в популярном театре. И родители не лыком шиты. Главная в паре Анна Степановна, Мефодий Кириллович ее во всем слушался. Связей у женщины было полно! Ее очень уважали, она невестку куда угодно продвинуть могла. У жениха, правда, не было своей квартиры, но у его родителей многокомнатные хоромы неподалеку от консерватории. Анна Степановна и Мефодий Кириллович никогда к ним в гости не заглядывали, с родителями невестки не общались, Эмилию не приглашали на дни рождения. Старшие Фокины не говорили ничего плохого о жене сына, они просто не желали видеть ее. Почему? Не знаю, но, возможно, пару оттолкнули жадность жены сына и подозрение, что Эмилия солгала Кириллу, сказала, что забеременела от него, а на самом деле отец ребенка кто-то другой. Но к Валерии старшие члены семьи Фокиных прекрасно относились. Они девочку к себе

приглашали, дарили вещи, игрушки. После того как Эмилия выгнала дочку на дачу, Анна Степановна очень переживала, что Леру выпихнули из родного дома в деревню и та учится в сельской школе. Когда малышку вернули в Москву, родители Кирилла искренне обрадовались. Девочка опять стала к ним заходить, благо идти через двор в соседний дом. Но потом, когда Мариусу исполнилось семь, визиты прекратились, потому что Эми обязала Леру навещать родителей отца только в сопровождении брата. Школьник, в отличие от сестры, оказался шумным, плохо воспитанным, не слушался ни Анну Степановну, ни Мефодия Кирилловича, хватал все без спроса, разбил несколько фарфоровых статуэток, которые собирала бабушка. Его просили не трогать фигурки, но без толку. А потом, после очередного визита Мариуса, мать Кирилла обнаружила пропажу очень дорогого кольца, подарка мужа на тридцатилетие свадьбы. Анна Степановна попросила сына разобраться с произошедшим, Кирилл вечером перезвонил, сказал: «Мама, Мариус ничего не брал».

Леокадия потерла виски пальцами и продолжила:

– Не знаю, что в семье Фокиных случилось, но Анна Степановна еще до рождения Мариуса перестала восхищаться Кириллом, свела общение с сыном почти к нулю. Какая кошка пробежала между мужчиной и его матерью? Понятия не имею, но животное определенно толстое и некрасивое. Преподаватель вокала никакие семейные проблемы ни с кем не обсуждала, посторонним с улыбкой говорила: «У нас все

прекрасно!» Сыну она прилюдно замечаний не отпускала, но история с кольцом, похоже, сильно задела женщину. Она перестала приглашать в гости Мариуса, а маленький мальчик решил расставить правильно все знаки препинания. Однажды поздно вечером, когда ребенку следовало уже спать, он тайком удрал из дома, пришел к бабушке, заплакал: «Я очень-очень тебя люблю». И рассказал, что украсть украшение его подбила мама, она часто говорила: «Анька старая жаба, сидит на золоте! Леокадия к ней подлизывается, в гости бегают, получает подарки. А мне ничего. Так мечтаю о кольце с бриллиантами, как у этой старухи!...» И ныла, ныла, ныла... Потом прямо сказала: «Возьми у бабки перстень!» Вот мальчик и стащил украшение.

Моя собеседница протяжно вздохнула.

– А я в тот момент, когда Мариус в слезах бабушке на шею бросился, сидела у Анны Степановны. Ребенок на меня внимания не обратил, все выложил, прямо в истерике бился. Пожилая дама малыша успокоила, попросила меня: «Будь добра, отведи Мариуса домой. Он замечательный мальчик, просто маленький и не виноват, что стал орудием в руках гарпии. Я совершила ошибку. Следовало расспросить внука как следует, а не дуть губу. Мариус, приходи ко мне каждый день, я тебя нежно люблю». Я отвела первоклашку к родителям. Они не заметили, что сын убежал, оторопели, Кирилл удивился: «Лека, ты что, моих родителей навещаешь?» – «Да, – ответила я. – Им очень нравится творожный

пирог, всегда его приношу из ресторана „Мама-папа“. Часто гуляем, в музеи ходим вместе».

Моя собеседница закрыла глаза ладонью.

– Боже, что началось! Случился невероятный скандал! Эмилия бросилась на меня с кулаками: «Хочешь получить их квартиру? Лишить Мариуса наследства? Это ты ювелирку у Анны стырила, мальчика оболгала! Научила племянника, как мать оговорить!» Ну, тут даже всегда сдержанный Фокин засмеялся. Мне пришлось встать, я спокойно сказала: «Прости, Кирилл, хорошо к тебе отношусь. Не знаю, по какой причине ты бросил пожилых родителей. Но они уже не в том возрасте, чтобы самим себя обслуживать. Никогда их не кину, а ты живи как считаешь нужным. Больше я в ваш дом ни ногой». И ушла, дистанцировалась от сестры и ее семьи. Информация до меня, конечно, долетает. Знаю, что Эмилия ненавидит Леру, обожает Мариуса. Мефодий Кириллович скончался. Анна Степановна ушла через несколько лет после смерти мужа. Она завещала Мариусу квартиру. Я сейчас хореограф, педагог-репетитор, работаю все в том же ансамбле, он процветает при всех политических пертурбациях, которые случились в России. В курсе, что Валерия стала писательницей и художницей. Очень порадовалась, всегда знала, что племянница талантлива, просто Эмилия дочь ненавидит за то, что не удалось с помощью беременности Братова на себе женить, пришлось Кириллом довольствоваться. Вот и срывает зло на бедной девочке. А у Фокина, небось, воз-

никли сомнения в отцовстве. Жена ему наврала, что Валерия родилась семимесячной. Мать новорожденную никому не показывала до года, говорила, сглазят. Но, полагаю, дело в другом. Кириллу что недоношенный ребенок, что вовремя на свет появившийся покажется очень маленьким. Большинство мужчин боятся первое время своего малыша на руки брать, они им кажутся крохотными. Кирилла легко провести. А как обмануть женщину, у которой свое дитя есть? Анна Степановна сразу поймет, что видит образцово-показательного недоноска весом больше трех кило. Вот когда Валерии якобы год стукнет, тогда трудно будет понять, двенадцать месяцев крошке или четырнадцать. Можно солгать: «Девочка крупная, кушает очень хорошо, развивается с опережением».

Леокадия усмехнулась.

– Вас не удивило, что Эмилия назвала дочь Валерией?

– Не думал на эту тему, – признался я.

– А поразмышляйте. Я Леокадия, младшая сестра – Эмилия. Красивые имена нам придумал папа, он говорил: «Татьян, Марий, Наташ пруд пруди... А вот Леокадия да Эмилия вряд ли встретятся. С кем девочки ни познакомятся, их непременно запомнят. Они получают хорошее образование, прекрасное воспитание, плюс необычное имя. При прочих равных условиях последнее может сыграть положительную роль, например, при устройстве на работу. Их просто запомнят». Эмилия очень гордится своим именем, часто повторя-

ла: «Я не Гальяка, не Маньяка, не Таньяка! Я прима-балерина Эмилия Фокина. Прапраправнучка великого Михаила Фокина».

Я не сдержал удивления:

– Неужели? Вроде, Фокиной ваша сестра стала после того как вышла замуж за Кирилла, в девичестве она была Николаевой!

– Верно, – засмеялась Леокадия. – Но многие верят, что Эми – прапраправнучка Михаила Фокина. Почему она дала дочке обычное имя? Ведь мальчик, который родился позднее, – Мариус. Для малышки матери следовало найти нечто позаковыристее. Жизель, например! Одетта, Аврора, Джульетта... У имени Валерия есть и мужской вариант – Валерий. А об Эмилии сделал программу Валерий Кох. Он журналист, пишет о кино, но танцовщицу пригласил. Так расхваливал балерину, что у простого зрителя возникала уверенность: госпожа Фокина гениальна! Плисецкая, Уланова и Семенова ей в подметки не годятся. Это единственный случай, когда Кох от кинематографа отошел. Ванечка, специально для вас отыскала несколько фото. Смотрите, кто это?

Собеседница вынула из сумки планшетник и положила его передо мной.

Глава девятая

– Нельзя сказать, что Валерия прямо копия господина Коха, – заметил Боря, рассматривая снимки, которые мне переслала Леокадия. – С другой стороны, она и не слепок Кирилла Фокина. У женщины есть нечто общее и с Кохом, и с Фокиным. Но вы вот похожи на Петра Первого, а он вам не отец родной.

– Надеюсь, у меня не характер царя-реформатора, а я всего лишь подобен ему ростом, – усмехнулся я. – Когда анализ ДНК на отцовство стал доступен широким массам, ряд мужей начали обращаться в лабораторию, чтобы выяснить, своих ли по крови малышей они воспитывают. И вылезла малоприятная правда: часть отцов, решивших сдать пробу, не имели ничего биологически общего с теми, кого любили как родных детей. У нас нет результата анализа ДНК девушки. Но есть повод задуматься. Валерий Кох – известный журналист, пишет о кино. Но ради Эмилии сделал исключение, ушел в тему балета. Это единственный раз, когда критик так поступил. Может, он не откажется побеседовать с нами? Попробуйте с ним договориться.

Мой помощник бросил взгляд на часы.

– Восемнадцать тридцать, в такой час вполне прилично позвонить незнакомому человеку.

Батлер начал изучать экран ноутбука, я спокойно пил чай.

– Готово! – воскликнул секретарь. – Нашел номер. Алло, добрый вечер, вас беспокоит...

Я продолжал наслаждаться напитком, глядя на то, как меняется выражение лица Бориса. Когда батлер положил мобильный на стол, мне стал ясен результат беседы.

– Если докладывать коротко о результате нашего общения, то меня корректно послали куда подальше, – мрачно сообщил батлер. – Контакт Коха, но не того, который нам нужен.

– Почему-то знакомая фамилия, – пробормотал я.

– Ну, она не такая уж редкая, – пожал плечами Боря, – в интернете нашлось немало людей, у которых в паспорте стоит «Кох».

Я схватил телефон и набрал номер Ирэн Львовны. Дама – наша соседка, мама Олега Котина, моего лучшего друга.

– Ванечка, – пропело красивое сопрано. – Как дела? Давно не виделись!

– Позавчера забегал к вам на чай, съел невозможно вкусный – или вкусное – хачапури. Не знаю, какого рода мегрельский пирог с сыром, – начал оправдываться я.

– Визит был в понедельник, а сегодня среда, – возразила Ирэн. – И у меня скопились вопросы. Вероятно, знаешь, куда Олежек начал исчезать примерно три раза в неделю? Как ее зовут? Она из приличной семьи или как обычно?

Я молча слушал маму Котина. В курсе ли я, чем Олег занимается несколько раз в неделю? Конечно. Но своих не сда-

ем.

Я набрал в грудь побольше воздуха.

– Честное слово, сегодня вечером загляну. Если только у вас нет каких-то планов.

– Иду в театр с Инессой, – засмеялась Ирэн. – А теперь спрашивай, что хотел выяснить.

– Вы ведете активный образ жизни, – начал я аккуратно подбираться к нужной теме.

– Как и Николетта, – отметила Котина.

– Но у вас разный круг общения, – возразил я. – Мне нужен Валерий Кох, журналист. Он не вхож в салон маменьки. У нее другая публика, а я ищу Коха. Образовался клиент, с которым он, вроде, связан.

Боря быстро повернул ко мне экран одного из своих ноутбуков. Я начал читать вслух любезно предоставленную информацию.

– Раньше Кох писал о кино, считался одним из самых влиятельных молодых критиков. Сейчас ведет ютуб-канал, весьма популярный. И там, опять же, ведет беседы только о киноискусстве.

– Валерик немилый мальчик, – хмыкнула Ирэн. – Я с ним в поверхностных отношениях, кухонных, вроде «вам какой чай?». Если хочешь с Кохом поболтать, звони Олежику, у него точно есть все контакты.

Поблагодарив Котину, я опять постучал пальцем по экрану, но друг сбросил вызов и прислал сообщение: «Прости,

на совещании. Драка за бабло. Срочно?»

«Не очень», – ответил я.

«Через час-полтора?»

«Ок», – напечатал я.

И тут мой телефон зазвенел. Меня разыскивала маменька.

– Ты где? – как всегда не поздоровавшись, начала негодовать она.

– В офисе, – ответил я.

– В каком? – прилетел следующий вопрос.

– В своем.

– А-а-а, – протянула маменька, – интересно!

Я удивился. Что происходит? У маменьки странный тон!

Тут в мое ухо влетел вопль:

– Вава!

Моя рука дрогнула, трубка выпала, спланировала на пол, но продолжила кричать:

– Мы тут сидим, ждем, а он!..

Борис поднял сотовый, но маменька замолчала. Я глянул на экран и понял, что она отсоединилась.

Через пару секунд телефон вновь зазвенел, но на сей раз номер оказался незнакомым. Я протянул трубку Боре. Тот начал беседу:

– Слушаю вас! Добрый день. Сейчас. Иван Павлович, это Эдуард, модельер.

Телефон опять переключался ко мне.

– Ив, дорогой, – защебетал Трубецкой фон Блюмен, – мы

договаривались насчет примерки на завтра. После визита к вам я поехал в свой офис. А госпожа Адилье отправилась пообедать в клуб к Жоржу.

– Так, – пробормотал я, – ясно.

– После трапезы Николетта прилегла отдохнуть, – лепетал Эдик, – а когда проснулась...

– ...решила, что уже настало завтра, – не выдержал батлер.

– Да, Боренька, вы, как всегда, правы, – протараторил модельер, который его услышал.

Мне стало жаль парня. Сколько себя помню, маменька всегда любила днем подремать пару-тройку часиков. График жизни у нее никогда не меняется. Луна может свалиться с небосвода, на земле высадятся инопланетные чудовища, но маменька в шестнадцать часов обедает, а в семнадцать уютно устраивается в кровати. В девятнадцать-двадцать она просыпается, пьет кофеек и готова принимать гостей или сама к кому-то отправляется. Дневной сон идет маменьке на пользу, благодаря ему она способна бодрствовать до двух часов ночи. В три маменька ложится спать, просыпается в полдень. Летом у нее не случается проблем, а вот поздней осенью и зимой, когда темнеет рано, подчас происходят конфузы.

Помню, как в начале ноября матушка, открыв глаза в семь вечера, вышла в столовую, увидела меня, тогда еще школьника, и возмутилась:

– Ты почему не на уроке?

На беду, в тот момент мы были в квартире вдвоем. Отец

давно уехал по каким-то делам, домработница отправилась за покупками. Рядом не оказалось никого, кто мог бы сказать мне: «Парень, молчание – золото». Поэтому я заявил:

– Сейчас вечер! Занятия только завтра утром.

Маменька вмиг разозлилась:

– Завтра? Неужели надеешься столь глупо обмануть меня? Я только что проснулась! Время...

Маменька посмотрела на часы, которые висели на стене, и договорила:

– Семь двадцать. Ужас! Видишь, до чего мать своими капризами довел? Проснулась ни свет ни заря, нервы из-за тебя разорваны.

Нет бы мне промолчать, но я почему-то начал спорить. Что подтолкнуло меня к столь опрометчивому поведению? Ответа нет. Мне не следовало говорить следующую фразу, но я ее произнес вслух:

– Не семь. Девятнадцать двадцать!

Маменька ткнула пальцем в сторону часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.